

Академия наук: листая архивные документы

Ю. Н. РАНИОК

Л. Д. ЛАНДАУ И Л. М. ПЯТИГОРСКИЙ

От редакции

Л. Д. Ландау — легендарная фигура в истории советской науки, один из самых замечательных физиков-теоретиков XX в., создатель выдающейся научной школы, лауреат Нобелевской премии. При этом его жизнь и научная деятельность содержат немало загадок и туманных моментов, прояснение которых необходимо для восстановления весьма драматической истории русской физики советского периода.

Подчеркнем, что Ландау — гордость нашей Академии; с 1937 г. он работал в Институте физических проблем, в одном из ведущих академических институтов, куда он перешел из Украинского физико-технического института (Харьков) и где выполнил ряд крупных исследований и начал создавать свою научную школу.

Поэтому публикуемые материалы, относящиеся к харьковскому периоду жизни Ландау и основанные на труднодоступных архивных документах и материалах «устной истории науки», вполне оправданно включены в архивный раздел, посвященный юбилею РАН.

Ю. Н. Раниок — автор и публикатор этой небольшой подборки с начала своей научной деятельности (а он — физик-ядерщик, доктор физ.-мат наук) работает в УФТИ, при этом давно и успешно занимаясь историей физики. Добавим, что, наряду с цитированной ниже книгой («Дело» УФТИ, 1935–1938), в 1998 г. вышла книга другого харьковичанина-физтеховеца, ученика Ландау М. И. Качанова (Школа Ландау: что я о ней думаю. Троицк, 1998).

В этой статье мы позволим себе коснуться очень щепетильной темы взаимоотношений Льва Давидовича Ландау, научного руководителя теоретического отдела Украинского физико-технического института (УФТИ), и его первого аспиранта — Леонида (Лазаря) Моисеевича Пятигорского. Тема эта мало исследована. Более того, считалось признаком хорошего тона в воспоминаниях о Ландау обходить Пятигорского молчанием. В УФТИ всегда знали, что эти отношения были очень непростыми. Причины назывались разные, но все они, как оказалось, были далеки от действительности.

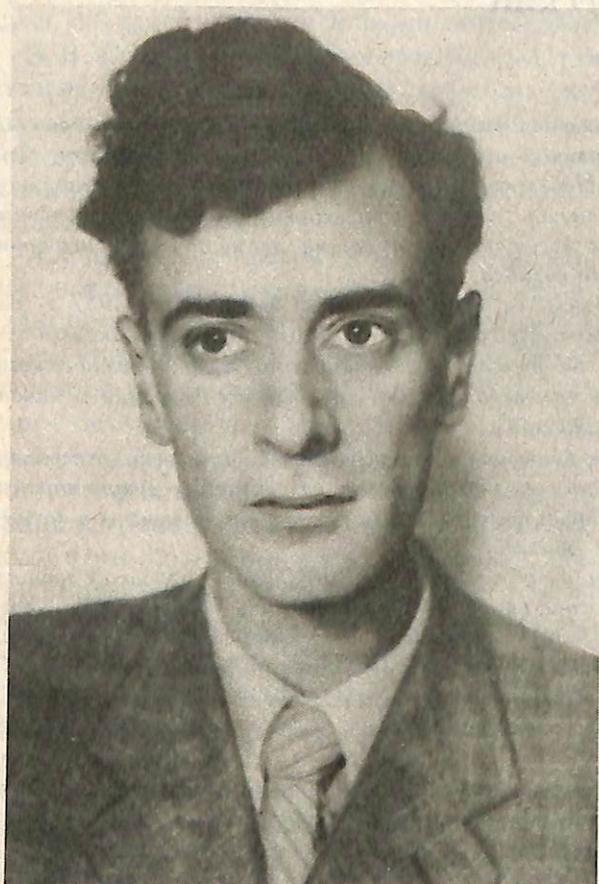
Говорили, что студенты и аспиранты Л. Д. Ландау, недовольные его строгостью на экзаменах, решили устроить ему «темную». Во время драки Ландау якобы ухватился за пустой рукав одного из нападавших и сразу догадался, что это был Пятигорский, потерявший руку еще в детстве.

Согласно другой версии, во всем была виновата некая женщина, любовь которой не смогли поделить научный руководитель и его аспирант.

Но все это не более, чем досужие домыслы. Правдой является лишь то, что между Л. Д. Ландау и Л. М. Пятигорским имела место крупная размолвка, последствия

которой вышли далеко за рамки их личных взаимоотношений. Наиболее очевидным доказательством того, что такая размолвка (или, по терминологии Л. М. Пятигорского, «разрыв») имела место, является история создания всемирно знаменитого курса теоретической физики.

Первый том этого курса — «Механика» был написан и опубликован Л. Д. Ландау совместно с Л. М. Пятигорским [1]. (Примечательно, что предисловие к изданию, подписанное Ландау, датировано апрелем 1938 г., а 28 апреля того же года он был арестован.)

Л. Д. Ландау. Фото 1930-х гг.

Ранее «Механика» на правах рукописи была издана в УФТИ. В следующем издании, не сильно отличающемся от предыдущего, Пятигорского в качестве соавтора заменил другой харьковский аспирант Л. Д. Ландау — Е. М. Лифшиц [2].

При подготовке настоящей статьи нам попал в руки интересный раритет — руководство по теоретической физике, изданное в УФТИ на правах рукописи в 1935 г. Рукопись состоит из трех частей: Ч. I — Механика (Л. Д. Ландау и Л. Пятигорский); Ч. II — Статистика (Л. Д. Ландау и Е. Лифшиц); Ч. III — Электродинамика (Л. Д. Ландау и Л. Пятигорский).

Тогда же, в 1935 г., в Харькове была издана книга Л. Д. Ландау, Е. М. Лифшица и Л. В. Розенкевича «Задачи по теоретической физике. Часть I. Механика». Последующие части «Задач» не были написаны, поскольку их основной составитель Л. В. Розенкевич был расстрелян в октябре 1937 г. С 1930 г. он работал в должности научного руководителя теоретического от-

дела УФТИ и одновременно заведовал кафедрой теоретической физики физико-математического факультета Харьковского университета. В 1935 г. ушел на экспериментальную работу в лабораторию А. И. Лейпунского.

Нет сомнения, что эти издания положили начало знаменитому курсу.

В начале 1988 г. автор этих строк, будучи редактором институтской стенной газеты «Импульс», обратился к Леониду Моисеевичу Пятигорскому в поселок Менделеево под Москвой, где он жил и работал, с просьбой поделиться на страницах газеты своими воспоминаниями о довоенном УФТИ (надвигалось 60-летие института). В ответ было получено довольно обстоятельное письмо, датированное 29 мая

Л. М. Пятигорский. Фото 1930-х гг.

1988 г. Письмо носило характер исповеди. Речь в нем шла в основном о драматических событиях в институте в 1935 г., в которых Пятигорский принимал активное участие и о которых в институте уже мало кто помнил. Лишь спустя несколько лет при подготовке книги «Дело УФТИ» [3], поработав над архивами бывшего КГБ, я стал ориентироваться в событиях тех лет и постигать смысл письма Пятигорского. Приведем здесь из него обширные выдержки, ибо воспоминания Пятигорского представляются нам заслуживающими внимания хотя бы по той причине, что события 1935 г. воспринимались им совсем иначе, чем другими участниками.

...Я родился 17 мая 1909 г. в селе Александровка Александровского р-на Кировоградской обл... Два года был беспризорным, затем в детдоме им. Парижской Коммуны в г. Харькове, в доме полуподростков и в доме подростков. С 15 лет жил самостоятельно.

В средней школе не учился. Будучи в детском доме, увлекался астрономией и по совету профессора ХГУ Николая Павловича Барабашова самостоятельно подготовился к ХГУ, был принят в 1927 году и закончил его в 1931 году.

С 1922 г. в течение трех лет был председателем харьковского горкома Юных Спартаков, с 1924 г. — член ЛКСМУ, с 1940 г. — член КПСС. В 1924 году поступил на работу в Госиздат Украины, где работал в должности адресовщика детских коммунистических изданий... до 1927 года. Как и многие другие сотрудники физико-математического факультета, я все годы (т.е. с 1930 по 1956) работал одновременно в ХГУ и в УФТИ.

Моя работа в ХГУ началась в 1930 году, т.е. за год до окончания университета, когда я был принят в качестве преподавателя факультета социалистического воспитания. Преподавал я математику. В 1931 году был принят в ХГУ на должность

преподавателя высшей алгебры. В 1931 году поступил в аспирантуру УФТИ по специальности «Теоретическая физика». Моим научным руководителем был Л. Д. Ландау.

Ландау был принят на работу в УФТИ в сентябре 1932 г. руководителем теоретического отдела. Почти одновременно он занял кафедру теоретической физики Харьковского механико-машиностроительного института. 1 сентября 1935 г. он был зачислен преподавателем на кафедру теоретической физики Харьковского университета, заведующим которой был Пятигорский (1935–1940 гг.), а в октябре того же года возглавил в ХГУ кафедру экспериментальной физики. Парадоксально, но факт: профессор Ландау работал преподавателем на кафедре, заведующий которой не имел ученой степени.

Кандидатскую диссертацию на тему «Взаимодействие заряженных частиц с медленными электромагнитными волнами в плазменных волноводах» Пятигорский защитил в Харькове 18 ноября 1955 г. В 1956 г. он покинул УФТИ.

...Л. Д. Ландау поставил перед собой великую и очень трудную задачу: организацию в нашей стране работ по физике и теоретической физике. Размах его работ был, можно сказать, революционным.

Прежде всего, он занялся вопросом кадров.

1. Составил список всех физиков нашей страны.

2. Ландау вообще любил классифицировать все, что он принимался изучать. Классифицировал он и физиков СССР. Очень резко относился к тем, кто тормозил развитие науки в нашей стране.

3. Но классификацией Ландау не ограничился. Он начал создавать кадры физиков. С этой целью он, прежде всего, организовал отдел теоретической физики, который он сам же и возглавил. В отдел был принят ряд молодых людей в качестве аспирантов: Ахиезер А. И., Компанеев А. С., Герман В. Л., Лифшиц Е. М., Померанчук И. Я., Пятигорский Л. М.*

4. Л. Д. Ландау разработал программу теорминимума, которую сдали не только аспиранты теорлаборатории, но и многие молодые физики нашей страны. Всего с 1933 по 1961 г. теорминимум сдали более 40 человек.

5. Ландау организовал сдачу теорминимума экспериментаторами УФТИ.

6. Вместе со своим ближайшим учеником Е. М. Лифшицем он создал «Курс теоретической физики»... Первое издание первой части этого курса было осуществлено Л. Д. Ландау совместно с Л. М. Пятигорским. Предполагалось написать следующего тома «Квантовая механика», но бурные события...нарушили эти планы. Соавтором стал Е. М. Лифшиц.

7. Ландау организовал преподавание физики и теорфизики в ХГУ и на физмехе Харьковского политехнического института.

Дальнейшее не будет понятно, если я не укажу одно обстоятельство, которое мне не хотелось бы упоминать, но без которого многое не будет понятно. Дело в том, что ...я пользовался симпатией и доверием руководства ХГУ. Поэтому, когда я на партийном бюро предложил заменить проф. Желеховского на проф. Ландау, мне это в конце концов удалось. Удалось с большим трудом, но все же удалось.

Ландау стал заведовать кафедрой общей (экспериментальной. — Ю. Р.) физики, а я, по его предложению, читал курс «Квантовой механики», курс «Дополнитель-

* Здесь Пятигорский несколько неточен. Теоретический отдел в УФТИ существовал со дня образования института. Первым руководителем теоротдела был друг Ландау по университету Д. Д. Иваненко.

ных глав квантовой механики», курс «Истории физики» и был назначен заведующим кафедрой теоретической физики... Сам же Л. Д. Ландау прочитал курс общей физики. На мой взгляд, он гораздо лучше тех курсов, которые издавались и издаются у нас и за рубежом. На лекции его приходили преподаватели ряда вузов, а также научные работники — физики...

На своих лекциях Ландау иногда вел себя непривычно, и меня не один раз вызывали на партбюро ХГУ с указанием, что так вести себя нельзя. Я на все это отвечал, что лекции Ландау — это блестящая страница в истории нашего факультета, и за это я могу простить ему щелканье семечек на лекции и многое другое. Мне все прощали (ведь это я привел его в университет).

Для решения задач по общему курсу физики Ландау взял М. Кореца, своего знакомого по совместному пребыванию в Ленинграде. Но М. Корец не понимал даже условий задач, которые должен был решать, и это неизменно вызывало смех студентов.

Героической работе Ландау по организации советской физики кое-что помогало, но кое-что очень мешало. Очень помогало ему то, что сотрудники Ландау с огромным уважением относились к нему как к ученому и буквально ловили каждое его слово, связанное с физикой. Не только я, но и многие студенты и преподаватели поняли, что он гениальный ученый. Это понимали очень многие, и это дало возможность сохранить его на факультете, невзирая на все случайные обстоятельства.

Очень и даже трагически помешало ему то, что после прихода Гитлера к власти большое число немецких физиков оказалось в УФТИ. Среди них были такие благородные люди, как Фриц Фрицевич Ланге, Мартин Зигфридович Рузманн и др. Но были и другие, как, например, Барбара Рузманн. Они вели себя недопустимо и в конце концов оказали трагическое влияние на УФТИ.

Перехожу к важнейшему событию тех злосчастных лет.

Приближалась война с Германией. Многие не понимали положения, в котором оказалась наша страна. Мы во многом оказались не готовыми к войне, в том числе и в том, что касалось физики. В частности, у нас не было радиолокатора. Поэтому таким потрясением для нас было то, что над нашим УФТИ появился вдруг немецкий самолет-разведчик и никто его не задержал! Но это было уже после начала войны, а до этого была история с радиолокатором, которая, в частности, сломала мою судьбу.

Не знаю, что по этому поводу думают другие, но я лично хорошо знаю, что важнейшая часть радиолокатора — источник радиоволн — так называемый магнетрон был разработан в УФТИ задолго до войны. Организатором всей этой работы был академик Абрам Александрович Слуцкий. У него был корпус, в котором производились все работы по этой проблеме. Второй важнейшей частью радиолокатора является антенна. Создание ее стало необходимым условием дальнейших работ по радиолокации. Это работа не столько экспериментальная, сколько теоретическая. Построить антенну можно, но как ее спроектировать?! Вот тут-то и началась травля Слуцкого. Целая группа лиц, в основном «гостей» из Германии, утверждали следующее: «Ландау ведет важную работу по организации советской теоретической физики. Не надо ему мешать! УФТИ должен заниматься фундаментальными проблемами физики, а Слуцкий, его корпус, его сотрудники только мешают и создают трудности в организации советской физики. Поэтому, — считают они, — Слуцкого и его сотрудников, весь коллектив радиофизиков надо отделить от УФТИ, чтобы они не мешали работе».

Что тогда творилось в УФТИ — трудно описать!

Ко мне явился М. Корец и передал мне поручение Л. Д. Ландау: «Вы должны написать для институтской газеты „Импульс“ статью, в которой потребовать отделения Слуцкого, его отдела и его работ от УФТИ».

Я Мише Корецу ответил: «Не могу это сделать потому, что уверен прямо в противоположном: теоретики должны помочь Слуцкину, оставив на время другие дела». М. Корец сказал, что передаст Ландау мой отказ. На следующий день он обратился ко мне с тем же предложением. Так продолжалось много дней. Тогда я впервые перестал нормально спать. Я оказался в центре совершенно неожиданных и нежелательных для меня событий. «Нападение», как я теперь понимаю, было сделано не только на меня, но и на А. К. Вальтера и К. Д. Синельникова.

Хочу особо подчеркнуть, что никаких разговоров о том ужасе, который на меня обрушился, я ни с кем не вел, о поведении Ландау и Кореца по отношению ко мне никому не рассказывал, кроме моего личного друга А. К. Вальтера.

И вдруг — новость. Арестован М. Корец. Меня вызвали на заседание суда. Суд был над М. Корецом. На суде присутствовали Ольга Николаевна Трапезникова — жена блестящего физика Л. В. Шубникова и жена Кореца.

После ряда формальных вопросов меня спросили: верно ли, что М. Корец был против работы Слуцкина в УФТИ над проблемой радиолокации? Я ответил: да, это верно. Как вы считаете, почему он так думал? Почему он был против работы Слуцкина? Я ответил: по глупости, он ничего не понимал. После этого мне сказали, что я могу уходить. Я пошел в УФТИ и сел в библиотеке. Лицо горело от возбуждения. С тех пор прошло несколько десятков лет, но я все еще не могу успокоиться после переживаний этого ужасного дня. А будущее готовило еще большие испытания для моей психики, вообще для моего здоровья.

В библиотеку УФТИ вошел Л. Д. Ландау и пальцем вызвал меня. Зайдя в кабинет, Ландау попросил у меня журнал, в котором был список физиков. Журнал хранился у меня, поскольку Ландау считал меня ближайшим своим сотрудником по организации физики. Получив журнал, он вычеркнул меня из списка, озаглавленного «коммунисты», и вписал в список «фашисты». Что ему рассказали обезумевшие от горя женщины — О. Н. Трапезникова и жена Кореца — я так и не узнал. Ландау не задал мне ни одного вопроса и сказал, чтобы я не ходил на теорсеминары.

Все предыдущие годы я был близок с Ландау. Он относился ко мне очень хорошо. Мы вдвоем ходили с лекций в университете и об очень многом разговаривали. Изменение отношения произошло после моего отказа написать статью против Слуцкина...

Теперь по поводу книги «Механика». Ландау объявил мне, что, как и раньше, я буду писать, а он корректировать заключительные параграфы.

Несколько слов о том, как писался курс теоретической физики.

1. Идея написания курса и список томов был составлен Л. Д. Ландау.
2. Конспекта лекций Ландау по механике у меня не было. Были только краткие заметки по его лекциям в теоретической лаборатории. Несколько листочков. После того как я заканчивал написание очередного параграфа, я передавал его Ландау и он окончательно редактировал его. Эта работа состояла в том, что он вычеркивал то, что считал лишним. Именно это сокращение (примерно 15–20%) придало книге тот вид, который она имеет.

Здесь я должен сказать, что некоторые книги курса писались совершенно иначе. Ландау прочитал в теоротделе и на физмехе курс теории поля. Конспект этого курса лег в основу книги «Теория поля». Первые лекции курса «Статистическая физика» написал М. П. Бронштейн. Когда я был в Ленинграде, М. П. Бронштейн дал мне прочитать эти главы. То ли потому, что я торопился, то ли потому, что после разрыва я был «не в себе», но я увез эту машинопись в Харьков. Там я сразу же передал ее Ландау. Курс «Квантовой механики», кроме седьмого параграфа, очень слаб. В нем даже нет теории спектра атома водорода, т.е. теории, которая лежала в основе квантовой механики. Седьмой параграф был написан Ландау. При напи-

сании других частей курса были самым широким образом использованы конспекты А. С. Компанейца, который хорошо записал элегантные лекции Л. Д. Ландау.

Я уже сделал доклад на теорсеминаре по теме кандидатской работы, данной мне Ландау для кандидатской диссертации. Тема называлась «Образование электронно-позитронных пар при бета-распаде». После разрыва эта тема была передана аспиранту из Венгрии Ласло Тиссе. Он рассказал мне, что Ландау ему сказал: «Либо эта тема, либо никакая другая». Вместе с Е. М. Лифшицем была в пожарном порядке защищена эта тема. Мне остается добавить, что Тисса сдавал кандминимум по моим конспектам и что он больше года чуть ли не ежедневно приходил ко мне домой, ужинал и разговаривал по вопросам кандминимума.

Имея в руках документы, изложенные в [3], нетрудно увидеть подлинную причину разрыва. Толчком к нему послужила активная роль Пятигорского в качестве свидетеля обвинения в деле друга Ландау — Кореца.

Арест М. А. Кореца, закрытый суд над ним 26 февраля 1936 г., и участие в нем в качестве свидетеля отнюдь не были новостью для Пятигорского. Еще 5 декабря 1935 г. он был вызван на допрос в качестве свидетеля обвинения по делу Кореца, где, в частности, сказал:

Вопрос (следователь Кожевников): Что Вам известно о контрреволюционной деятельности Кореца и его связях?

Ответ (Л. М. Пятигорский): Мне известно, что в нашем институте существовала антисоветская группировка, в состав которой входили Корец, Ландау, Шубников, иностранноподданные, прибывшие из Германии, — Вайсберг, Мартин и Варвара Рузманны [3, с. 180].

Мы не располагаем протоколами судебных заседаний, но по приведенным следственным свидетельским показаниям Пятигорского можно догадываться, о чем он говорил на суде. Обращает на себя внимание его безоговорочное обвинение Л. Д. Ландау.

На этом можно было бы поставить точку в истории взаимоотношений учителя и ученика, если бы эта история вновь не всплыла на поверхность и не взбудоражила ученый мир в 1990 г., т.е. спустя 55 лет после разрыва!

Чтобы пояснить, о чем идет речь, нам придется частично воспроизвести статью Д. Новоплянского, опубликованную в газете «Правда» 19 августа 1991 г.

Страшное горе обрушилось на старого коммуниста Леонида Пятигорского. Со страниц книги, выпущенной издательством «Московский рабочий» [4], его объявили предателем, доносчиком. Четырежды повторяли, будто выжигали на нем тавро: «негодяй».

Собственно, это был гвоздь нового, дополненного издания. Сенсация. Уже первая фраза мини-предисловия оповещала: здесь впервые «названа фамилия предателя, в корыстных целях написавшего гнусный донос, будто Ландау — немецкий шпион». На разных страницах мелькала обещанная фамилия — вот кто в 1938-м оклеветал, посадил в тюрьму и едва не погубил одного из самых талантливых физиков-теоретиков двадцатого века. На странице 123-й раскрывался коварный замысел: убрать молодого Ландау, чтобы присвоить его труд. На странице 125-й суровый вердикт: простить Пятигорского «мог бы только такой негодяй, как он сам».

Обвинения тяжкие. По нынешним временам — вдвойне, втройне. Они потрясли человека, которому уже за восемьдесят. У него доброе имя, ученая степень, ученое звание. Были. Отныне он презренный стукач — не больше. Бросился в издательство, умолял задержать книгу, пока она не разошлась. Его жалобы отменили, как

вздорные. Аргумент один: автор книги — родственница академика, ей нельзя не верить. И это издание — уже четвертое.

«Но в прошлых изданиях, — написал мне Пятигорский, — не было и намека на донос, даже на арест. Когда Майя Яковлевна Бессараб готовила второе или третье издание, она со мной консультировалась, как с человеком, знавшим Ландау и заслуживающим доверия. Теперь читаю, будто она еще со студенческих лет знала, что я — предатель. Как же могла она со мной, предателем, мило беседовать, чай пить, дарить мне книгу с ласковой надписью? Если же вдруг решила подправить свой труд в духе времени — не грех бы сто раз проверить-перепроверить, прежде чем кого-то клеймить. Живу всего в сорока километрах от Москвы — долго ли приехать? Ладно, со мной она не обязана разговаривать, но уж явиться в Бауманский народный суд — сам закон велит. Однако три раза заседания откладывались — она не приходила. А книга в широкой продаже. Я оплеван, растоптан. Где искать защиты? Мне советуют обратиться в КГБ...»

Ответ пришел быстро. Материалы уголовного дела N P-18609 сохранились, и уточнить причины ареста Льва Давидовича Ландау — не проблема. Народный депутат РСФСР, начальник управления КГБ по Москве и Московской области В. Прилуков, ссылаясь на эти материалы, начисто опровергал какую-либо причастность Пятигорского к аресту. Более подробный документ пришел из Центрального архива КГБ СССР: «Причиной ареста Л. Д. Ландау послужили показания научных работников Украинского физико-технического института Шубникова Л. В. и Розенкевича Л. В., арестованных в 1937 году УНКВД по Харьковской области. В КГБ СССР сведений о Вашей причастности к аресту Ландау Л. Д. не имеется, о чем сообщено в Бауманский районский суд г. Москвы».

На суде у автора спросили, располагает ли она доказательствами. Бессараб отвечала, что жила, росла в семье ученого и беседовала с ним на разные темы. Ей помнится, как сам Ландау после освобождения называл виновника ареста. Он и другим говорил о нелепом доносе. Допустим. Однако память легко может подвести кого угодно. Мог ошибиться и Ландау, просидевший год в Бутырской тюрьме и вышедший оттуда полуживым. Да и стал бы он говорить домашним или приятелям всю правду? Если верить не книге, а подлинным документам, он вряд ли мог посвящать в свои дела юную родственницу...

Суд показал, что автор и издательство не были знакомы с подлинными причинами ареста Ландау. Книга повторяла, будто Пятигорский сочинил заявление-донос, гласившее: «немецкий шпион». В действительности, никакого заявления не было, и, как видно из протоколов допроса, в ряду предъявленных Ландау обвинений ни разу не упоминался шпионаж.

В журнале «Известия ЦК КПСС» (№3, 1991 г.) были опубликованы документы об аресте Л. Д. Ландау — двадцать четыре страницы. Они запечатлели одно из самых трагических событий в жизни ученого и заслуживают большого общественного внимания. В книге же М. Бессараб вместо правдивого рассказа об этом событии — сенсационные домыслы.

Суд обязал издательство и автора принести извинения Л. М. Пятигорскому за опубликование в книге «несоответствующих действительности сведений».

Приведем также письмо М. Бессараб и И. Третьяковой в редакцию газеты «Вечерняя Москва», опубликованное в №17 от 25 января 1991 г.

Уважаемая редакция!

В конце минувшего года Бауманский районный народный суд г. Москвы рассмотрел и удовлетворил иск Леонида Моисеевича Пятигорского о защите его чести

и достоинства и обязал издательство «Московский рабочий» опубликовать следующее сообщение:

«Издательство „Московский рабочий“ и Майя Яковлевна Бессараб, автор книги „Ландау. Страницы жизни“, приносят извинения Леониду Моисеевичу Пятигорскому за опубликование в этой книге несоответствующих действительности сведений о том, что совместная работа с Л. Пятигорским „едва не стоила Ландау жизни“, что Пятигорский „сочинил на Ландау гнусный донос“, послуживший причиной его ареста органами НКВД в 1938 году».

Хотя эти несколько строк — все, что требует решение суда, необходимы, думается, и дополнительные разъяснения.

Строки о Л. М. Пятигорском, вызывающие наше глубокое сожаление, появились в книге, выпущенной в 1990 г. Это было 4-е, дополненное издание, что свидетельствует о большом читательском интересе к ней. Но надо признать, что в книге некритически воспроизведен пересказ академиком Ландау сообщенных ему следователем НКВД сведений о «доносчике».

Между тем, судя по представленной в Бауманский райнарсуд архивной справке КГБ СССР, показаний Л. Пятигорского вовсе нет в «деле» Ландау; напротив, основанием для ареста послужили показания научных работников Шубникова и Розенкевича, арестованных в 1937 г. Вряд ли теперь мы узнаем, почему тогда была названа фамилия мнимого доносчика — скорее всего, чтобы скрыть доносчиков реальных...

Понимаем, что причинили Л. М. Пятигорскому тяжелые переживания. Надеемся, что наше искреннее сожаление по этому поводу будет принято.

М. Бессараб, литератор.

И. Третьякова, редактор издательства «Московский рабочий».

Для полноты изложения приведем небольшую выдержку из книги Майи Бессараб:

Чтоб уж больше не возвращаться к имени человека, который чуть не погубил Дау, скажу сразу, что он не постеснялся появиться в Капичнике и просил у Ландау прощения. Дау не подал ему руки.

— Я негодяев не прощаю, — сказал он.

Этот человек — я сознательно не хочу лишний раз писать его имя — так и остался стоять с протянутой рукой и со слезами на глазах [4].

А вот что писал по этому поводу сам Леонид Моисеевич все в том же письме:

Однажды мне рассказали, что Ландау хотел бы со мной поговорить. Я специально к нему не поехал, но, будучи в Институте физпроблем, встретился с ним. Никакого извинения с его стороны не было...

Глубокоуважаемый Юрий Николаевич!

Направляя Вам эти листки моих воспоминаний, я разрешаю поступить с ними по Вашему усмотрению. Со своей стороны могу сказать, что все написанное является, безусловно, правдой без прикрас. А следует ли это где-либо опубликовать, я оставляю на Ваше усмотрение.

От всей души желаю Вам, Вашей стенгазете, всем моим знакомым, от которых я, к большому моему сожалению, отдалился, всего самого, самого доброго.

Где же правда? Утверждать, что Л. Д. Ландау был арестован по доносу Л. М. Пятигорского, по-видимому, все-таки нет оснований. Во всех «делах УФТИ» начиная с 1935 г. Ландау уже фигурирует как главарь контрреволюционной троцкистской

вредительской группы в институте, и остается только удивляться, почему его не арестовали раньше. Члены его вредительской группы — Л. В. Шубников, В. С. Горский, Л. В. Розенкевич были расстреляны, а руководитель группы профессор Л. Д. Ландау оставался на свободе. Видимо, причиной этого были его всемирная известность и своевременный отъезд из Харькова в Москву.

Далее. Ни в одном из многочисленных пересмотренных нами дел репрессированных уфтинцев 1937–1938 гг. имя Пятигорского не упоминается. Почему оно должно фигурировать в деле Ландау 1938 г.?

Но нет дыма без огня. Ландау было известно о роли Пятигорского в деле Кореца и о его свидетельских показаниях, касавшихся не только Кореца, но и его самого. Одним из источников такого рода конфиденциальной информации был, как ни странно, начальник Харьковского областного управления НКВД Мазо, который, будучи личным другом директора УФТИ А. И. Лейпунского (члена горкома партии), информировал его о «сигналах», поступавших в НКВД из УФТИ. Об этом говорил в своих показаниях А. С. Вайсберг [3, с. 212]. В принципе, показания Пятигорского по делу Кореца 1935 г. могли в качестве выписок перекочевать в «дело Ландау» 1938 г.

Кореца судили еще до появления пресловутых троек. Практика тех времен была такова, что на суд допускались свидетели только обвинения (других просто не было!), которые, как правило, были осведомителями НКВД. Один из свидетелей обвинения на допросе по делу Кореца, заместитель директора УФТИ (*sic!*) по общим вопросам, без обиняков заявил: «Я, Кравченко,.. состою на учете в НКВД как чекист» [3, с. 183].

Пятигорский пользовался большим доверием партийного руководства Харькова. Так, постановлением бюро партийного комитета Центрального района города от 22 мая 1934 г. он был прикреплен к комсомольской ячейке УФТИ как представитель райкома. Проблема партийных кадров в УФТИ, особенно среди научных работников, постоянно находилась в центре внимания партийного руководства района и города, начиная с партийных чисток 1934 г.

Приведем выдержку из стенограммы Второй партконференции Кагановического района г. Харькова. Заседание 28 апреля 1937 г., повестка дня: выборы членов пленума райкома. Из выступления кандидата в члены пленума директора УФТИ Лейпунского:

...Несколько месяцев тому назад парторганизация института вынесла мне выговор за то, что я в некоторых случаях отнесся либерально к враждебным выступлениям некоторых научных работников...

Вопрос: В чем заключается либеральное отношение?

Ответ: Либеральное отношение заключается в следующем. Первый случай: профессор Ландау, который работал в нашем институте, уволил одного своего сотрудника, который выступил на суде в нежелательном отношении против другого сотрудника. За это Ландау выгнал этого сотрудника. Я тогда оставил этого товарища и вынес Ландау выговор вместо того, чтобы дело передать в суд [5, л. 10–12].

Здесь речь идет о том, что Ландау уволил или пытался уволить Пятигорского из теоротдела после суда над Корецом.

Процитируем участника и свидетеля тех событий Александра Вайсберга. В 1937 г. его стали вызывать на допросы в НКВД и он почувствовал угрозу ареста. Желая узнать, как следователь может отреагировать на его намерение завербоваться добровольцем на войну в Испанию, он предпринял следующий трюк:

На выходе из клуба на ступеньках я увидел Пятигорского, беседовавшего в кругу аспирантов. Речь шла о гражданской войне в Испании. Я присоединился к компании и

решил сказать о своем намерении отправиться туда добровольцем, ибо был уверен, что Пятигорский имеет связи с ГПУ. Следовательно, все, что я скажу, Полевцевский (следователь. — Ю. Р.) будет знать к моменту моего следующего к нему визита...

— И еще одно. Выбросьте из головы Испанию! Арестуем Вас при первой же попытке туда завербоваться. Мы отвечаем за этот фронт и не допустим туда ни одного диверсанта [6, с. 55].

В заключение без комментариев приведем документ, написанный рукой Л. М. Пятигорского. Документ без даты. По-видимому, он относится к лету 1935 г.

В НКВД УССР. Заявление Пятигорского Л. М.

В конце июня этого года я шел на лекцию в университет. Меня остановил иностранный специалист инженер Вайсберг и начал со мной разговор о том, что его несправедливо уволили из ОСГО*. Предложил мне затем зайти в кафе, взял пирожных и перевел разговор на положение в УФТИ. Это положение он охарактеризовал так: научный уровень института снижается, институт идет к гибели. В качестве причин он выставлял то, что Гей и другие члены партии, которые не подготовлены к научной работе, тянут институт вниз, снижают его уровень до своего. По его мнению, директор Давидович губит институт. Вайсберг также намекнул мне на то, что, по его мнению, спецработу т. Гей в Москве «выпросил». Выходом из создавшегося положения он считал бы иметь в УФТИ руководство парторганизацией из рабочих, а секретарем «крепкого парня». Попутно надо готовить кадры коммунистов научных работников. Никаких конкретных мероприятий Вайсберг при мне не называл.

Я высказал несогласие с тем, что коммунисты тянут УФТИ вниз. В доказательство того, что это ложь, привел в пример т. т. Гарбера и Комарова, которые, по-моему, вполне в курсе научных интересов института. На этом наш разговор закончился. Вайсберг прекрасно ориентируется в политической обстановке в СССР, часто высказывает совершенно твердые, правильные утверждения. Поэтому посчитать его разговор со мной политической ошибкой я не мог и стал присматриваться к Вайсбергу. Бросилось в глаза то, что он со многими сотрудниками УФТИ подолгу беседует, расхаживая с ними по асфальтовой дорожке во дворе. В частности, он общался, как мне кажется, членов партии, помощника директора института т. Кравченко, имея с ним несколько продолжительных разговоров. От некоторых сотрудников я слышал, что он им говорил о рабочих аспирантах (коммунистах), что никуда не годится. Постепенно у меня начало складываться впечатление, что Вайсберг создает в УФТИ склочную обстановку, организует атмосферу слухов, сплетен, враждебного отношения к парторганизации и дирекции. О своих подозрениях я в конце июня довел до сведения т. Заливадного (парторга. — Ю. Р.). У нас в УФТИ работает ряд иностранцев. От Тиссы, сотрудника теоретического отделения, я не раз слышал «новости» о разворачивании «склоки» в УФТИ, и в большинстве случаев на мой вопрос: где ты все это набираешь? он мне отвечал, что слышал все от Вайсельберга (тоже иностранец, не работает, но живет в УФТИ). Вайсельберг приятель Вайсберга. Я рекомендовал ему поменьше питаться слухами, но он мне ответил, что узнает их волей-неволей, т. к. ужинает у Вайсельберга. Все это еще раз говорит о том, что Вайсберг находится в центре или, во всяком случае, близко от центра группы людей, которым нужна склока. Деятельное участие в этой группе принимала (иностранка) Варвара Руэманн. От Ландау я слышал, что (иностранец) Гаутерманс определил продолжительность жизни нашего УФТИ в 2 месяца. На научном языке сказал, что означает только то, что если все дела будут идти так, как

* Опытная станция глубокого охлаждения.

идут, то больше 2 месяцев институт не протянет. Таким образом, на Вайсберга сориентированы В. Рузманн, Гаутерманс, Тисса, который объяснял свое недовольство чисто плохими отношениями с Давидовичем.

Корец неохотно вступал в разговоры со мною. В группе людей, которые организовывают склоку (Вайсберг, Корец, Ландау, Шубников, В. Рузманн), он играл, по моему, видную роль. Его называли организатором положительной программы. Так, якобы в критической статье в стенгазете он дискредитировал двух сотрудников спецлаборатории, членов комитета комсомола, приводил их в пример неправильной политики зарплаты в институте.

У Ландау я видел список сотрудников с указанием их зарплаты, причем против каждого проставлена еще зарплата, которую следовало бы платить. Думаю, что весь список и вся идея упорядочения зарплаты в духе статьи Кореца и по идее самого Кореца. Сам Корец получал зарплату совершенно не соответствующую его работе в УФТИ. Корец имел чрезвычайно плохое влияние на Ландау. Они находились в дружеских отношениях, очень много бывали вместе, и была явно видна перемена Ландау в худшую сторону по приезду Кореца в институт. Вместо того чтобы осуществлять подготовку кадров организованно, Корец толкал Ландау на путь авантюризма, отрыва от партии, самостоятельных действий, причем всегда в конечном счете думал о том, что борьба с Давидовичем идет на «кто — кого», и если потерять в темпе, то Давидович уничтожит институт. Думаю, что большинство вредных идей принадлежат Корецу (новая смета зарплаты, разделение института на две части, если мы не съедем Давидовича, то Давидович съест нас, идея о блокировании с иностранцами и др.). Во всяком случае, говорит он всегда очень демагогически, уверенно, всегда делая вид, что кто не согласен с ним, тот желает гибели институту. На комитете комсомола Корец признал, что скрыл свое соцпроисхождение, а Ландау на следующий день опять убеждал, что не скрыл. В то же время убеждал Ландау, что уход Ландау с работы вредно отразится на Кореце. Вот такая двуличность есть характерная черта Кореца. Я уверен, что Корец стоит в центре склоки. Не думаю, чтобы он один мог сыграть вреднейшую, дезорганизирующую роль в УФТИ, разлагая сотрудников, противопоставляя себя, свою линию линии парторганизации, создавая вокруг парторганизации и комсомола нездоровую атмосферу, тем самым проводя практически вредную работу.

Ландау очень часто заводил со мной беседы о порядках в институте. Он говорил мне о том, что институт идет к гибели, Давидович ведет институт к развалу. Говорил мне, что спецработы сильно снижают уровень института, что спецработы он выпросил в Москве для того, чтобы выслужиться и загрузить институт спецработой. По его мнению, в институте имеется часть сотрудников — Гей, Заливадный, Музканский и др. во главе с Давидовичем — которым на руку, чтобы институт шел вниз — они тогда не вылетят.

Ландау несколько раз говорил мне о том, что неправильно построена в институте зарплата..., что «слуцкины не грамотны в физике, и это факт, а вот считаются физиками». Вообще такая тенденция на изоляцию некоторых служащих (спецлаб) от института. Ландау убеждал меня, например, в необходимости разделить институт на две части — лаборатория Слуцкина совместно с лабораторией ядерной отдельно и, кроме того, отдельно «собственно УФТИ» из Шубникова, Обреимова и Ландау. Ландау говорил мне о том, что спецработа в УФТИ будет провалена, так как ее поручили не настоящим физикам, не привлекли научных руководителей. Вообще получилось так: смотрите, что они делают — набирают спецработу, нельзя этого делать. А уж если брать, то необходимо поручать ее научным руководителям, и одновременно говорилось о снижении уровня спецработ. Эти разговоры сначала

шли, понятно, по линии критики Давидовича, и я тогда разделял в разговоре с Ландау его мнение о том, что Давидович нетактичен, но против его разговоров о спецработах и спецработниках делал решительный отпор. Позже, когда я стал замечать в разговорах Ландау то же, что сказал Вайсберг, я решительно советовал ему действовать через парторганизацию и не вдаваться в авантюры. Но Корец имел сильное влияние на Ландау, и Ландау не хотел никого вполне слушать. По-моему, путь антисоветских разговоров, о которых я говорил, Ландау занимает благодаря Корецу. О том, что от Ландау пахнет Вайсбергом, я заявил Комарову.

Дау же говорил, что снятие Давидовича есть первый этап борьбы за развитие физики в Советском Союзе. План он рисовал примерно такой:

1) Добиться снятия Давидовича, 2) Укрепить УФТИ как научную единицу, 3) Сделать из УФТИ центр подготовки кадров.

Кореца Ландау называл организатором, т.к. будто бы Корец внес ему ряд ценных предложений, как готовить кадры. Мне представляется, что в основе своей Ландау не хотел вести антисоветскую линию, но, сблизившись с Корецом, пошел по враждебному партии пути.

Буквальная травля Стрельникова как научного работника, то, что его не хотели утверждать кандидатом наук, в то время как Бриллиантова утвердили, еще раз подчеркивает политическую направленность группировки, организовавшей склоку. Я часто говорил Ландау: «Вы против Стрельникова, а почему утвердили Бриллиантова?» Он говорил тогда, что, мол, имела место ошибка, что Бриллиантова утвердили. Когда я говорил обо всем этом с Ландау, он мне заявил: «Что же, я травлю коммунистов, что ли?» Я не мог ему ничего возразить, ибо это означало бы обвинение в антисоветском поступке своего научного руководителя, а в институте парторганизация осторожно подходила к политической характеристике Ландау.

Лично я знаю Ландау с 1932 г., с тех пор, как он приехал в УФТИ. Мне все время казалось, что он становится все ближе к партии и партийным взглядам, но так было только до тех пор, как Корец не начал на него влиять.

В конце я хотел бы отметить, что, по-моему, просто ошибкой назвать творящееся в УФТИ нельзя, как я говорил в свое время Заливадному и Комарову и как еще все ясно мне стало потом, в УФТИ склока была только ширмой, методом, который был составной частью более широкой авантюры» [3, с. 181–183].

Не будем строго судить Пятигорского. Он по-своему понимал свой долг гражданина, комсомольца и друга Ландау. Сирота, воспитанник детского дома, следовательно — «сын железного Феликса» (напомним, что ЧК и ГПУ шефствовали над беспризорниками), мог ли он пренебречь указаниями своих воспитателей? Он выполнял приказ и собирал «компромат» на Кореца, который был «намечен» к аресту. Не мог он, даже вопреки своей воле, обойти вниманием и Ландау. С этого, собственно, началось «дело УФТИ». Свой поступок Леонид Моисеевич расценивал как жизненную катастрофу.

Литература

1. Ландау Л. Д., Пятигорский Л. М. Механика. М.-Л., 1940.
2. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Механика. М., 1958.
3. Павленко Ю. В., Раниок Ю. Н., Храмов Ю. А.. «Дело» УФТИ (1935–1938). Киев, 1998.
4. Бессараб М. Ландау. Страницы жизни. М., 1990. 4-е изд.
5. Стенограмма 2-й партконференции Кагановического р-на г. Харьков. Харьковский областной архив. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5, 6.
6. Weissberg-Cybulski A. Wielka czystka. Warszawa, 1990.